

1990-х годов в газетах "Магаданская правда" и "Советская Чукотка" (с ноября 1993 г. – "Крайний Север"), основанные на воспоминаниях очевидцев и освещающие эти события с разных сторон.

Безусловно, книга Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки и П. Швайцера вносит большой вклад в изучение этнографии и этносоциологии групп русского старожильческого населения Сибири, в освещение межэтнических отношений и этнических процессов в Якутии и на Чукотке, а также в осмысление механизмов и закономерностей этнообразования в недавнем прошлом и в настоящем. Она интересна как для специалистов в области теоретической этнографии, этнологии, социологии, так и для всех исследователей этнографии и истории Сибири. Эта работа вызовет интерес и у самих представителей русского старожильческого населения Сибири.

ЭО, 2006 г., № 2

© Л.А. Тульцева. Рец. на: Г.В. Любимова. *Возрастной символизм в культуре календарно-го праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века* / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск, 2004. 240 с.

Исследование Г.В. Любимовой посвящено изучению половозрастной стратификации в системе календарно-праздничного тезауруса этнографических групп русского населения Сибири. В духе классического подхода к изучаемому вопросу монография открывается "Введением" с добротным анализом историографии проблемы, который автор начинает с таких ключевых понятий традиционного общества, как *возрастной символизм*, *возрастная группа*, что позволило автору наметить собственную линию исследования и обозначить обширный круг жизнедеятельности человека в свете возрастного символизма.

Следующий ключевой вопрос историографии – роль детей в обрядовой жизни общины. В отечественной этнографии с конца XIX в. до настоящего времени достаточно устойчива точка зрения, согласно которой участие детей в ритуально-праздничной жизни общины расценивается как показатель разрушения традиционной культуры и как следствие этого – перемещение редуцированных форм обрядности в детскую среду. По мнению Г.В. Любимовой, верная в общеисторическом плане, "отмеченная закономерность не снимает вопроса об участии детей в обрядовой жизни" (с. 9).

Привлекает внимание и обзор современной литературы по вопросу об обрядах перехода в славянской этнокультурной традиции. Однако здесь вряд ли можно согласиться с авторской позицией со ссылкой на точку зрения о том, что "ясное понимание статуса переходных обрядов в славянской традиции, как и определение их места в традиционной обрядности в целом, пока затруднено в связи с отсутствием общепризнанной типологии последней" (с. 10). Думаю, что автору монографического исследования возрастного символизма в культуре русского календарного праздника вполне по силам оценить и "статус переходных обрядов", и их место в ритуально-праздничном тезаурусе.

В гл. 1 "Система возрастного символизма в традиционной культуре русского населения Сибири" основное внимание уделено категориям *возраст* и *время* в их исторической ретроспективе. При этом особо подчеркивается, что категория *возраст* наиболее тесно связана с категорией *время*. Со ссылкой на мнение Л.А. Файнберга о том, что в первобытном обществе "почти одновременно с возникновением первых представлений о прошлом и будущем возникло и осознание ограниченности временных рамок человеческого существования" (Файнберг 1977: 131), Г.В. Любимова актуализирует понятие *век*, а также способ восприятия времени и степень

насушности того или иного его качества в зависимости от типа социальных отношений. В связи с этим закономерно поднимается проблема роли природно-астрономического и социально-исторического времени в развитии личности, одной из существенных ментальных характеристик которой стала ассоциативная система восприятия времен года сквозь архетипическое их соизмерение с частями человеческого тела. Суммируя этнокультурологические исследования по данному вопросу, Г.В. Любимова выдвигает предположение об "универсальном характере традиции соотнесения понятий времени с частями тела" (с. 19–20).

Исследуя специфику русской этнокультурной традиции восприятия категорий время и возраст, автор анализирует семантическое гнездо понятий *время* – *верста* как имевших пространственный и возрастной смысл (напр., сибирское "юн верстою" в значении "молод годами"). На примере традиционной культуры русских сибиряков выявляется этимология возрастных названий и терминов; анализируются образцы русской народной лексики, связанные с обозначением возрастных процессов и состояний. На сибирских материалах показывается восприятие времени через циклы сельскохозяйственных работ, народные принципы измерения суточного времени, счет времени по лунному календарю и биоприродным циклам.

Всестороннее изучение возрастной символики, предпринятое в рецензируемом исследовании, построено на базе последовательного рассмотрения деятельности всех возрастных групп, которыми была представлена крестьянская община Сибири XIX – начала XX в. Привлекая новые разнообразные материалы по этнографии Сибири, автор исследует и такие характерные аспекты проблемы, как проявление символики в возрастных номинациях детей и молодежи разного пола и возраста, символизм в costume и обрядовом поведении.

Гл. 2 "Осенне-зимний цикл обычаев и обрядов. Святки. Масленица" открывается рассмотрением особенностей сибирской святочной обрядности в свете переселенческой структуры и разнообразия этнокультурных групп русского населения Сибири. Исследуя святочную обрядность в аспекте возрастного символизма, Г.В. Любимова обращается к теме "старения" мира, имея в виду, по-видимому, время *страшных вечеров* (с. 83). Однако при всей привлекательности цитат и построений в пользу идеи "старения" мира периода Святки, тем не менее исследователи оставляют без комментариев тот факт, что речь идет о временном периоде, начало и конец которого соотнесены с рождающимся и крещающимся Богом, а самому этому периоду предшествует *солнцеворот* – каждый день, хотя бы на "куриный скок", но прибывает, и на земле уже двенадцать дней (от Спиридона-солнцеворота и до начала Святки) длится полугодие, которое в Ведах называют Днем Богов.

Далее в разделе "Святки" автор на добротных этнографических материалах рассказывает о традиционных святочных темах: христославении, святочных обходах дворов, новогодних посеваниях, гаданиях, молодежных бесчинствах, ряженьях, народном театре, посиделках как женской форме половозрастной организации. Анализируя мужское и женское колядование с привлечением всей базы сибирского этнографического материала, Г.В. Любимова делает обоснованный вывод: "Первоначальный состав обходчиков был, вероятно, мужским, поскольку символика сева традиционно связывалась именно с мужскими обрядовыми функциями" (с. 106). Этот вывод подтверждают материалы XIX – первой половины XX в. по среднерусскому Почью, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской губерниям. В данном регионе "посевание" было не новогодним, а рождественским обычаем, и совершалось оно ранним утром не группами "обходчиков", а пастухом.

Чрезвычайно интересны страницы, посвященные русской Маслянице* в Сибири. Они более других насыщены этнографическими архивными и авторскими полевыми материалами. Один из выводов по данной теме состоит в том, что "исходная семантика масленичного шествия"

* По мнению рецензента, при написании слова *Масляница* пора вернуться к старому правильному написанию, которое сохранялось до 1940-х годов.

представляет собой "погребальную процессию, о чем, в частности, свидетельствует лодка как атрибут обряда захоронения многих народов" (с. 144).

Привлекает внимание и другой вывод по святочно-масляничным циклам – о безусловном преобладании в них мужских разновозрастных групп. Логичен и вывод автора о "вторичности" участия в ряженьи и колядовании женщин (с. 146). Принимая гипотезу о том, что первоначально участниками ритуальных обходов селения могли быть лица, прошедшие ритуал посвящения, Г.В. Любимова намечает "последующую эволюцию обрядовых действий, связанную с подключением к ведущей группе иных (в том числе детских) групп мужского населения". С течением исторического времени нарастают процессы "деритуализации" общественных праздников и обрядов, что проявилось, по мнению исследовательницы, "в максимальном расширении круга участников за счет включения в его состав разновозрастных групп женщин".

При всей справедливости авторского мнения, что на "заключительном этапе" традиционная обрядность, утратив "магическое содержание", превращалась "в род традиционного развлечения или забавы, переходя при этом в сферу исключительной компетенции пожилых женщин" (с. 146), позволим некоторые дополнения к данному выводу. Дело в том, что вплоть до конца XX в. стержневой фонд ритуально-праздничной культуры (а он в соответствии с локальными традициями мог варьировать) поддерживался "пожилыми женщинами" не просто ради развлечения и забавы. Сохранялась и передавалась от поколения к поколению та сакральная доминанта в ментальности женщин, благодаря которой, например, и в настоящее время в засушливое лето женщины отправляются к святым родникам устраивать моления о дожде, а на Новый год принимают и одаривают исполнителей Авсений-Таусений не только ради забавы, а чтобы в новом году в хозяйстве было благополучие. Редко, но еще можно встретить одаренных сельских хранительниц традиций родной старины, которые даже в наши дни не прекращают исполнения ритуалов, вплоть до пошива и вышивания традиционного комплекса одежды.

Гл. 3 "Весенне-летний цикл обычаев и обрядов. Пасха. Троица" написана на новом разнообразном материале, расширяющем наши представления о ритуально-праздничных реалиях таких ключевых праздников аграрно-праздничного календаря, как Сорок святых, Средокрестье, Благовещение, Вербная, Великий Четверг, Пасха и Пасхальная неделя, а также об обычаях и обрядах пахоты и сева. Например, вводится в научный оборот сходный с известным жнивным обычай иркутских пахарей спрашивать у пашни отданную ей силу с приговором: "Пашня, пашня, хлеба нам дай, а силу нашу отдай!" (с. 165). В то же время требует дополнительных разносторонних разысканий предположение автора о том, что не достигшие совершеннолетнего возраста "ребята" как носители еще не созревшей "жизненной силы" могли "испортить будущий урожай и оказать негативное влияние на плодородие людей и полей" (с. 171, 210).

Подробно анализируются все этапы семицко-троицкого ритуально-праздничного цикла. Заключительная часть этого раздела посвящена проблеме типологического тождества обрядов весенне-летнего пограничья. Анализ половозрастной структуры обрядности данного пограничья на сибирских материалах подтверждает вывод исследователей, что "в своем традиционном варианте" половозрастная структура отличалась "устойчивым составом исполнителей, исключавшим участие мужской части населения" (с. 181). Далее Г.В. Любимова анализирует обрядовую ситуацию, при которой роль главного персонажа (Тюменский у.) исполняла девушка, являвшаяся персонификацией ритуального символа, фигурировавшего в названии ритуала. Автор приходит к важному выводу: «Совпадение имени главного персонажа и названия ритуального символа представляется не случайным. Выскажем предположение, что уничтожение троицкого дерева – березки, совершившееся девочкой, которую "также называли березкой", означало ритуальную смерть самой исполнительницы» (с. 183). Далее обоснованно отмечается, что символической смерти главного персонажа предшествует его «пространственное перемещение, понимаемое в данном случае как "смена миров"», что, по А.К. Байбуруну, наиболее адекватно отражает главную идею ритуала – переход в новый статус (*Байбурун* 1993: 121–122).

Привлекает внимание дискуссия автора по вопросу о связи обрядов перехода с календарной обрядностью с исследователями, которые считают подобную постановку вопроса неправомер-

ной. В итоге нельзя не согласиться с выводом Г.В. Любимовой, что "традиционные способы взаимодействия человека и окружающей среды характеризовались устойчивой тенденцией к синхронизации природных и человеческих циклов. Приуроченность женских переходных обрядов ко времени весенне-летнего пограничья имела, таким образом, глубокие корни, восходящие к мировоззрению ранних земледельцев" (с. 185).

Далее автор вполне обоснованно оспаривает мнение известной исследовательницы Л.Н. Виногоградской о троицких праздниках как сроке поминовения исключительно душ умерших детей, девушек и молодых женщин. Между тем все известные этнографические материалы, в том числе и относящиеся к XVII в., не содержат никаких сведений о дифференцированном поминовении умерших по признаку пола (с. 187). Добавим к изложенному: когда в Семик москвиты и даже сам царь отправлялись к убогим домам ("скуделищам", "буищам"), чтобы захоронить скопившиеся за зиму непогребенные неопознанные тела, то погребались все, независимо от пола. Лишь совершив сие богоугодное дело, москвиты отправлялись помянуть всех погребенных, а затем праздновать Семик.

Подводя итоги исследования данной темы на сибирских и общерусских материалах, Г.В. Любимова констатирует определенные трудности в определении типологической принадлежности обрядов, несущих переходную семантику: "Приуроченность к определенному календарному периоду не позволяет считать эти обряды обычной разновидностью обрядов жизненного цикла, а наличие главного персонажа, подвергающегося ритуальному преобразованию, препятствует безусловному отнесению их в разряд календарных обрядов" (с. 188).

В целом все рассмотренные в книге обряды и обычаи годового круговорота подтвердили наличие общего (в сравнении с общерусским) и особенного в календарно-обрядовых комплексах у всех этнографических групп русского населения Сибири: это, как пишет автор, аскетичность староверческого аграрно-праздничного календаря, наличие архаичных элементов при значительном разнообразии обрядов и обычаев в календаре сибиряков-переселенцев, восприимчивость к инновациям чалдонского календаря и т.д. Специфика календарно-праздничной культуры русских сибиряков рассматривается как результат взаимодействия и взаимовлияния названных этнографических групп в процессе их адаптации к новым природно-климатическим условиям. Изучение способов символизации половозрастной стратификации в календарной обрядности русских крестьян-сибиряков позволило Г.В. Любимовой выявить определенное соответствие между календарным временем обрядов и обычаев годового цикла и социовозрастными характеристиками их исполнителей.

Монография Г.В. Любимовой, посвященная анализу возрастного символизма в структуре календарного праздника, восполняет многие недостаточно изученные вопросы данной темы, является первым фундаментальным исследованием проблемы возрастного символизма, полностью осуществленным на этнографических материалах русского населения Сибири.

Литература

- Байбурин* 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Файнберг* 1977 – *Файнберг Л.А.* Представления о времени в первобытном обществе // Сов. этнография. 1977. № 1.